ANNALES
UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA
LUBLIN – POLONIA
VOL. XL SECTIO FF 1-2022

ISSN: 0239-426X • e-ISSN: 2449-853X • Licence: CC-BY 4.0 • DOI: 10.17951/ff.2022.40.1.29-43

Эпиграф как индикатор исторического времени в романе Пантелеймона Кулиша *Чёрная рада. Хроника 1663 года*[*]

Epigraph as an Indicator of Historical Time in Panteleimon Kulish's Novel *Black Council. Chronicle of 1663*

Epigraf jako wskaźnik czasu historycznego w powieści Pantelejmona Kulisza *Czarna rada. Kronika z 1663 roku*

IRINA TEREKHOVA
Ivan Franko National University of Lviv, Ukraine
ORCID ID: http://orcid.org/0000000256305175
e-mail: lakshinska@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи является осмысление функциональных особенностей эпиграфов как индикаторов исторического времени в русскоязычном романе Пантелеймона Кулиша *Чёрная рада. Хроника 1663 года*. В исследовании определена роль эпиграфов − важных структурных художественных компонентов, главная особенность которых состоит в том, что они концетрируют в себе содержание каждой из глав романа, устанавливают взаимосвязь с текстом произведения, отображают авторский взгляд на события периода Руины в украинской истории.

Ключевые слова: роман, эпиграф, Пантелеймон Кулиш, украинский романтизм, казачество

[*] Druk tomu sfinansowano ze środków Instytutu Filologii Polskiej UMCS. Wydawca: Wydawnictwo UMCS. Dane teleadresowe autora: ul. Universitetska 1, Lwów, obwód lwowski, 79000, Ukriana; tel.: +32 239 47 20.

Abstract. The purpose of this article is to comprehend the functional features of epigraphs as indicators of historical time in the Russian-language novel by Panteleimon Kulish *Black Council. Chronicle of 1663*. The study defines the role of epigraphs – important structural artistic components, the main feature of which is that they concentrate the content of each of the chapters of the novel, establish a relationship with the text of the work, reflect the author's view of the events of the period of the Ruin in Ukrainian history.

Keywords: novel, epigraph, Panteleimon Kulish, Ukrainian romanticism, Cossacks

Abstrakt. Celem tego artykułu jest zaprezentowanie funkcjonalnych cech epigrafów jako wskaźników czasu historycznego w rosyjskojęzycznej powieści Pantelejmona Kulisza *Czarna rada. Kronika z 1663 roku.* W opracowaniu określono rolę epigrafów – ważnych strukturalnych elementów artystycznych, których główną cechą jest to, że przedstawiają one treść każdego z rozdziałów powieści, pokazują związek z tekstem dzieła, odzwierciedlają autorski pogląd na wydarzenia okresu Ruiny w historii Ukrainy.

Słowa kluczowe: powieść, epigraf, Pantelejmon Kulisz, romantyzm ukraiński, Kozacy

Роман *Чёрная рада. Хроника 1663 года* Пантелеймона Кулиша – эпохальное произведение украинской литературы, уникальность которого заключается в масштабности, историзме, правдивости изображения народной жизни. Автор мастерски воспроизвел период Руины, когда после смерти Богдана Хмельницкого началась борьба за гетманскую булаву. Литературовед Василий Ивашкив справедливо отмечает, что этим произведением, которое было напечатано в 1857 году и на украинском, и на русском языках, Кулиш не только еще раз убедительно заявлял о праве на существование украинской словесности как самобытной и самостоятельной, но и в значительной мере внедрял мнение о европейском уровне такой литературы. Исследователь подчеркнул, что именно поэтому автор к написанию романа отнесся со всей ответственностью художника перед историей, перед своим народом (Ìvaškiv, 2009, s. 165). Такое страстное стремление Кулиша познать прошлое было очевидным. Нонна Копыстянская, исследуя вопрос времени в литературе, констатирует, что со сменой эпох, политико-общественных обстоятельств, духовных потребностей часто становится актуальным то, что было забытым, и то, что полностью еще не изучено (Kopystâns'ka, 2008, s. 219).

Процесс подготовки первого исторического романа в украинской литературе к печати был довольно непростым. Кулиш тщательно изучал документальные материалы, в частности казацкие летописи. Писатель исходил из того, что произведение должно базироваться на принципах хроникальности:

Но, вникнув в нравы Малороссиян XVII века, столь непохожие на нынешние […], я убедился, что повествователю надобно здесь смотреть на вещи глазами тогдашнего общества;

я, таким образом, подчинил всего себя былому; и потому сочинение мое вышло не романом, а хроникою в драматическом изложении… (*Černaâ rada, Hronika 1663 goda*, 1857, s. 252).

Существует два варианта исторического романа Кулиша: русскоязычный и украиноязычный. Полностью напечатаны они в 1857 году. Несмотря на сюжетное сходство, произведения не идентичны. Об этом упомянул и сам автор в статье *Об отношении малороссийской словесности к общерусской*:

В переводе есть места, которых нет в подлиннике, а в подлиннике осталось многое, не вошедшее в перевод. Это произошло, как от различия духа обеих словесностей, так и от того, что сочиняя подлинник, я стоял на иной точке зрения, а в переводе я смотрел на предмет как человек известной литературной среды. Там я по возможности подчинялся тону и вкусу наших народних рапсодов и рассказчиков; здесь я оставался писателем установившегося литературного вкуса. Думаю, что от этого подлинник и перевод, изображая одно и то же, представляют, по тону и духу, два различные произведения (*Černaâ rada, Hronika 1663 goda*, 1857, s. 231).

Русскоязычный исторический роман Кулиша, выходивший при жизни писателя дважды, после его смерти практически не переиздавался. В течение 1845–1846 годов отдельные главы нового романа печатались в журналах „Современник” и „Москвитянин”. Полное его издание было в Москве в 1857 году. При жизни автора *Чёрная рада. Хроника 1663 года* вышла ещё раз в 1860 году в собрании сочинений Кулиша в четырёх томах в Санкт-Петербурге: цитаты в этой статье приводятся чаще всего именно из этого издания.

После смерти Кулиша его русскоязычный роман был перевыдан лишь в 1899 году. Позже публикаций не последовало. К сожалению, ныне украинский читатель так и не имеет возможности постигнуть художественную ценность этого произведения. Отметим, что осмысление исторического романа Кулиша становится все более актуальным на современном этапе развития литературы, поскольку тут затронуты концептуально важные проблемы: поиск государственного идеала, который привел бы к процветанию, проблема предальства и обмана в борьбе за власть, проблема выбора политического лидера, проблема чести и бесчестия.

Несмотря на временное забвение романа Кулиша *Чёрная рада. Хроника 1663 года*, в украинском литературоведении все же встречаются некоторые упоминания о нём. В первую очередь следует отметить фундаментальную монографию Ивашкива *Художня, літературознавча і фольклористична парадигма ранньої творчости Пантелеймона Куліша (*2009), в отдельном разделе которой проанализрована проблематика исторического произведения Кулиша на основе редакций 1840-х годов. Литературовед акцентировал внимание на истории написания романа, указал на трудность и неоднозначность толкования

его поэтики, охарактеризовал особенности образной системы, раскрыл социопсихологическую концепцию произведения. Ивашкив также отметил, что Кулиш мастерски отобразил суть такого сложного исторического времени, как период Руины: он убедительно представил почти все слои украинского общества, дал яркие художественные характеристики низовому казачеству, городовой старшине, сельскому населению (Ìvaškiv, 2009, s. 210).

В 2019 году в украинском литературоведении появилась монография Олеся Федорука *Роман Куліша Чорна рада: Історія тексту*, где на текстологическом уровне анализируются издания *Черной рады. Хроники 1663 года*, в частности рассматриваются история текста, его редакции, особенности структуры романа. Актуальным становится продолжение исследования ученого с последующим углублением в литературно-художественный контекст. Как видим, исследований, посвященных изучению забытого произедения Кулиша, недостаточно, чем и обусловлена научная новизна пред-ложенной статьи.

Цель данной работы − изучение функциональных особенностей эпиграфов как индикаторов исторического времени в русскоязычном романе Кулиша *Чёрная рада. Хроника 1663 года*.

Обозначенная цель предусматривает решения концептуально важных задач:

- установить взаимосвязь мотто с текстом самого произведения автора;
- определить роль эпиграфов как структурных художественных компонентов романа Кулиша *Чёрная рада. Хроника 1663 года*;
- проанализировать художественные особенности первого исторического романа в украинской литературе;
- охарактеризовать эпиграфы в произведении Кулиша как своеобразные индикаторы исторического процесса.

Характерная особенность русскоязычного романа Кулиша – наличие эпиграфов в каждом разделе романа, которые в художественной структуре представляют значительный исследовательский интерес, поскольку отображают важную содержательную функцию в развитии сюжета, а также помогают в построении образа прошлого Украины.

В литературоведении распространена следующая общепринятая дефиниция эпиграфа (часто для его определения используется синоним *мотто)*: надпись, которую автор размещает перед текстом произведения или его частью; также это цитата из известного текста, изречение афористического содержания, поговорка. Подбор эпиграфов, в свою очередь, характеризует стиль мышления автора произведения, его манеру определять ассоциативные связи с литературной традицией и современностью (*Literaturoznavčij slovnik-dovidnik*, 1997, s. 240).

Несмотря на свою вспомогательную роль, эпиграфы в художественном тексте воспроизводят глубину содержания, связывают компоненты произведения, помогают расшифровать заувалированный взгляд писателя на особенности исторического времени, такого важного в восприятии самого сюжета. Говоря о времени, литературовед Копыстянская отмечает, что авторы зачастую в своем произведении раскрывают как частицу мировоззрения собственное понимание и ощущение Времени и создают своеобразный художественный мир с художественным временем, пространством и ритмом его течения (Kopystâns'ka, 2008, s. 23).

Одним из первых, кто детально изучил проблему эпиграфа, был Сигизмунд Кржижановский. В своей статье *Искусство эпиграфа (Пушкин)* (1936) он акцентировал внимание на детальном его исследовании, на необходимости создания новой отрасли литературоведения – **эпиграфологии** (Kržižanovskij, 2006, s. 415). Эпиграф – важный структурный компонент произведения, поэтому Кржижановский рассматривал его разносторонне, в частности, считал его знаком связи новой и старой культуры, символом международного общения и преемственности разноязычных литератур (Kržižanovskij, 2006, s. 390). Ученый выделил такие основные принципы: изучение эпиграфа с точки зрения его внутритекстовой жизни; исследование изменений в эпиграфах в результате перенесения его из естественной среды в новую; определение отношения эпиграфа к другим эпиграфам в тексте; установление взаимозависимости между эпиграфом и текстом, эпиграфом и заголовком произведения (Kržižanovskij, 2006, s. 414).

Использование мотто было особенно распространенным в эпоху романтизма как в европейской (Джордж Гордон Байрон, Генрих Гейне, Вальтер Скотт), так и в украинской литературах (Евгений Гребинка, Тарас Шевченко, Кулиш, Николай Костомаров). В этот период особенно выразительно проявилась одна из его основых функций – отображение хроникальности событий, источником тому служила литература XV столетия (яркий пример – *Хроники* Жана Фруассара 1495 года).

Эпиграф как разграничитель исторических событий активно использовал в своих приключенческих романах Вальтер Скотт. Позже эту традицию продолжил Кулиш. Поскольку история в народных песнях и преданиях всё время занимала творческое воображение автора, украиноязычные эпиграфы в тексте романа, написанного по-русски, в полной мере раскрывали исторический и этнографический компоненты национальной самобытности. Свой выбор в пользу народнопесенных эпиграфов писатель мотивировал так: «Этнография перешагнула с затверделой почвы летописей на живую, производящую почву национальной поэзии; история с удивлением увидела

себя в цветистой и сияющей одежде народной песни» (*Černaâ rada, Hronika 1663 goda*, 1857, s. 241).

Источниками эпиграфов в *Чёрной рады. Хроники 1663 года* Кулиша (издание 1860 года) были: народные думы (эпиграфы к первой, второй, тринадцатой, восемнадцатой главам), народные песни (эпиграфы к третьей, седьмой, восьмой, девятой, одиннадцатой, пятнадцатой, семнадцатой главам), песня Ивана Мазепы (эпиграф к четвёртой главе); рассказ очевидца Тарнаухи (эпиграф к пятой главе); рассказ запорожца Коржа (эпиграф к шестой главе); летопись Самовидца (эпиграф к десятой главе), поэзия Шевченко (эпиграфы к двенадцатой, четырнадцатой, шестнадцатой главам).

Эпиграфы в русскоязычном историческом романе Кулиша можно назвать своеобразными **микроразделами** к **основным разделам произведения**. Они довольно содержательны, поэтому становятся ключами, которые помагают истолковать художественный смысл и воссоздать картину исторической эпохи. Кроме этого, эпиграфы следует рассматривать как целестно, так и в интертекстуальной связи с текстами глав романа, поскольку они концентрируют в себе содержание всех разделов произведения. Заметим, тут наблюдается проявление феномена литературной игры.

Первый раздел русскоязычного романа Кулиша начинается с эпиграфа о казаке Сомко Мушкете, взятого из поэзии, стилизованной под народную думу:

А Сомко Мушкет попереду да й не вигравае,
Коня удержуе, до себе притягуе, думае-гадае……
Пропаде, мов порошина з дула, та козацькая слава,
Що по всёму світу дивом стала
Що по всёму світу степом разляглась, простяглась,
Да по всёму світу луговим гоміном оддалась…
(*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s.1).

Федорук утверждает, что цитируемый текст – это несколько исправленная цитата из поэзии *Похід на поляків*, которая впервые напечатана в *Запорожской старине* Измаила Срезневского, а Кулиш её воспринял тогда как народное произведение (Fedoruk, 2019, s. 389). Позже это произведение вошло в издание Михаила Максимовича *Украинскія народныя песни* (1834), строки которого идентичны с текстом эпиграфа в романе Кулиша. В предисловии к «народной думе» автор-составитель писал: «Превосходная дума сія относится к 1637 году, когда козаки ополчились снова, после ужасной смерти Павлюка. О Хорунжем Самке Мушкете, который представлен идущим чрез поле битвы, усеянное трупами, я не знаю во Исторіи»(*Ukrainskiâ narodnyâ pesni*, 1834,

s. 27). Заметим, что в тексте «думы», поданной Максимовичем, имя главного героя − Самко. В первоначальном варианте русскоязычной *Чёрной рады. Хроники 1663 года* Кулиша, напечатанном отрывком в журнале *Современник* 1845 года, главного героя тоже зовут Самко. Однако в следующих изданиях его переименовано на Сомко (Ìvaškiv, 2009, s. 167).

Представленный эпиграф передает душевное смятение лирического героя:

А Сомко Мушкет попереду да й не вигравае,
Коня удержуе, до себе притягуе, думае-гадае……
(*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 1).

Далее упомянуты времена далекого прошлого, при описании которого использован художественный прием градации:

Що по всёму світу дивом стала
Що по всёму світу степом разляглась, простяглась,
Да по всёму світу луговим гоміном оддалась…
(*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 1).

Эпиграф и первая глава имеют общую идейно-содержательную составляющую. Их объединяет образ задумчивого всадника. В думе – Самко Мушкет, в романе – полковник Шрам и его сын Петро. На замысел и причину приезда полковника указывает эпиграф к первой главе, точнее имя главного героя. Как справедливо отмечает Федорук, писатель полагал, что в *думе* речь о гетмане Якиме Сомко (Fedoruk, 2019, s. 389). Единение с Сомко, по мнению полковника Шрама, станет спасением для народа, о чем будет сказано в следующей главе романа.

Национальное в историческом романе Кулиша связано с проблемой сакрального. Вера является основным принципом государственности, что и отображено в эпиграфе ко второй главе:

Чи вже ж дармо та безщасна Украіна Богові молила.
Щоб міцна ёго воля с-під кормиги Лядськоі слобонила,
На позор да наругу невірним не давала,
Щастєм наділила…
Чи вже ж дармо вона Богові молила?
(*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 18).

Данная цитата продолжает идею предыдущего эпиграфа – тревога по поводу сохранения единства страны и акцентирование на высших духовных ценностях. Перед читателем предстает образ Украины – набожной, несчастной, которая

в своей искренней молитве просит спасения. Эпиграф органично вплетается в канву исторического романа Кулиша. Вторая глава также начинается с молитви. Полковник Шрам перед встречей с хозяином дома молится перед образом святого Зосима. Вскоре слышит звуки бандуры и видит своего давнего приятеля Череваня в обществе Божьего Человека, который сообщает недобрые вести.

Озвученные новости о чёрной раде и возможной потере власти гетмана Сомко завуалированы в эпиграфе к предыдущей главе. Сказанное огорчило полковника Шрама. Он собрался ехать в Переяслав вместе с Божьим Человеком, поскольку его авторитет смог бы повлиять на казаков. Но мудрый старец ответил отказом:

> Не мне учить вас, козаков, коли вас беды не научили! [...] Да и слушать меня никто из ваших старшин не будет. Все теперь полезло в панство да в чванство. Разбогатевши, все стали так умны, что нашому брату только и беседы, что с простым народом. Старшина начала через -чур шляхетствовать. Те же недоляшки!.. [...] И наша темная, невидящая старчота, ради того несчастнаго куска хлеба да чарки горілки, бренчит им всячину; забыли и страх Божій (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 32).

Заканчивается глава так: «Божій Человек был светел лицем и спокоен, как-будто его душа жила не на земле, а на небе» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 33). Собственно это и есть ответ на риторический вопрос, заданный в конце эпиграфа второй главы. Ивашкив справедливо отмечает, что в романе на первый план выступает целостная проблема Бога как истины, побеждающей суетность, мимолетность разных химер, таких как слава, гетманство, почести (Ìvaškiv, 2009, s. 204).

Обращение к Богу содержит также эпиграф к четвёртой главе, представляющей интерес еще тем, что его автором является известный украинский гетман Иван Мазепа:

Всі покою щиро прагнуть,
Да не в один гуж всі тягнуть, –
Той направо, той наліво,
А все братья – то-то диво!
Ей, братища, пора знати,
Що не всім нам пановати!..
Сжалься, Боже Украіни,
Що не вкупі мае сини!
(*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 64).

Эти строки воссоздают последствия борьбы за власть. Тут речь о начале XVIII века, когда казацкое государство, созданное Мазепой, претерпевает политический кризис и последующий упадок.

Основная тема авторской песни украинского гетмана – акцентировать на народном разъединении, где доминирует стремление к власти. В результате необдуманных действий утрачивается целостность народа как нации: «пора знати, що не всім нам пановати!» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 64). Перед читателем Украина предстает в образе единой семьи, но стремление к власти разрушает родственные связи. Конец эпиграфа – искреннее молитвенное обращение к Богу: «Сжалься, Боже Украіни, що не вкупі мае сини!» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 64).

Кулиш в текстах эпиграфов своего романа использовал также поэзию Шевченко (в издании 1857 года эти эпиграфы обозначены как аноним, ибо Шевченко ещё находился в ссылке), в частности отрывки из его поэмы *І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм в Украйні і не в Украйні моє дружнєє посланіє.* Данные мотто характеризуют период Руины (политического кризиса Гетманщины) и середину XIX столетия (эпоху Кулиша, периода государственного террора в Украине, когда разгромлено Кирилло-Мефолиевское общество (братство) и жестоко пресечены какие-либо проявления народного вольнодумства).

Отрывки из поэмы Шевченко придают историческому роману Кулиша социальной остроты и ещё раз подчёркивают выразительность кульминационной части. Иллюстративное в этом плане мотто к двенадцатой главе, которое поражает силою своего звучания:

Тілько я, мов окаянний,
И день, и ніч плачу
На роспуттах велелюдних –
И ніхто не бачить;
И не бачить, и не знае,
Оглухли, не чують,
Кайданами міняютця,
Правдою торгують.
(*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 229).

Это громкое обращение человека-правдолюба к тем, кто утратил нравственные ценности. События, описанные в главе романа, происходят в урочище Романовский и Кут. Эпиграф характеризует Ивана Брюховецкого как политического лидера с чертами авантюриста. Внимание прежде всего акцентируется на том, что народ слепо следует своему гетману-кумиру, пренебрегая

здравым смыслом. Брюховецкий предстает как посредственная личность. В духе романтизма Кулиш называет его колдуном, который дурманит народное сознание:

Наружность, ухватки и хитрыя речи Бруховецкаго так привлекали к нему, так обворожили его сторонников, что он мог делать с ними все, что ему вздумается. С своими странными телодвиженіями, с своими простодушными, но хорошо обдуманными словами, он казался колдуном, который, ходя промеж народом, сеет в нем одуряющія чары (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 237).

Мотто к четырнадцатой главе стали также строки из ранее упомянутой поэмы Шевченко:

Я ридаю, як згадаю
Діла незабуті
Наших предків … тяжкі діла!
Як-би их забути,
Я оддав би веселого
Віку половину….
Оттака-то наша слава,
Слава Украіни!
(*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 274).

Ключевыми в эпиграфе и в тексте главы − слова «діла незабуті наших предків … тяжкі діла!». Глава описывает ход чёрной рады, которая составляет кульминационную часть сюжета произведения. Совет по поводу избрания гетмана Украины проводился непредсказуемо. Иван Брюховецкий настроил чернь, запорожских казаков против Сомко. У действующего гетмана почти не оказалось поддержки:

Но запорожцы напали на гетманских приверженцев, как злыя осы; одни падали под ударами сабель, а другіе наступали по трупам падших и бросались с ножами и дубинами на Сомковых сторонников; сломали его бунчук, вырвали из рук у него золотую булаву. Посмотрел Сомко с высоты стола – вокруг него только горсть старшины и казаков; далее все Запорожцы (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 294).

Содержание эпиграфа корреспондирует с речью Сомко в финальном эпизоде главы. Осознав свое поражение и поражение страны, он также, как и лирический герой цитируемых строк, горько зарыдал. Его прежде всего взволновала потеря государственной славы: «..стоит ли думать теперь о моем поруганіи, когда злой враг мой наргугался над честью и славою отчизны! Пропадай сабля! пропадай и голова!» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 301).

Главная тема этого отрывка − проблема власти, о чем говорится также в эпиграфах к четвёртой, двенадцатой, тринадцатой главам. В частности, в мотто к четвёртой главе отображены принципы власти, приводящие к разобщенности государства: «Да не в один гуж всі тягнуть, – той направо, той наліво…». (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 64). В эпиграфе к двенадцатой главе речь о способах достижения такой власти: «кайданами міняютця, правдою торгують» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 229). В начале тринадцатой главы описаны последствия, к ней приводящие: «Що у вас, панове молодці, була воля й дума едина» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 256). В предисловии к четырнадцатой главе подчеркнуто, что эти действия крайне губительны: «Наших предків … тяжкі діла!» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 274) и их уже невозможно стереть из исторической памяти.

В шестнадцатой главе романа также используется отрывок из поэмы Шевченко:

Настане суд, заговорять
И Дніпро и гори,
И потече сторіками
Кров у синє море
Дітей ваших, и не буде
Кому помагати:
Одцураетца брат брата
И дитини мати;
И дим хмарою заступить
Сонце перед вами,
И на-віки проклянетесь
Своіми синами!
(*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 317).

Эпиграф звучит как приговор, предостережение того, что за преступление ожидается Божье наказание. Таким образом, основную идею романа Кулиш передал словами из этапного произведения Шевченко периода **трьох літ** *І мертвим, і живим і ненародженим землякам моїм в Украйні і не в Украйні моє дружнєє посланіє*, впервые напечатанном в сборнике *Новые стихотворенія Пушкина и Шавченки* (*Novye stihotvoreniâ Puškina i Šavčenki*, 1859, s. 24–34). Именно так писатель проиллюстрировал последствия черной рады. Покарание обязательно постигнет Брюховецкого. В этом убедился батько Пугач как основной лидер Запорожской Сечи, так и старейшины. Они разочаровались в политике Брюховецкого, поскольку тот проявил неуважение к их узаконенным обычаям. Батько Пугач не захотел повиноваться новоизбранному гетману и выступил перед ним з гневной речью, содержание котрой напоминает картину страшного

суда, описанного в эпиграфе: «Когда начал брехать, как собака, то и пропадешь, как собака!» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 322).

Пропадайте ж, поганые! Увидите, до чего вы доживитесь на Украине с такою правдою. […] Хоть огнём тут горите, не придем гасить пожар! Пропадете собаками, когда вздумали жить по-собачьи, и дети ваши не помянут вас добрым словом! Погибайте ж тут, коли так захотели! Чтоб вас так счастье и доля покинули, как мы вас покидаем! (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 325).

Также прокляли Ивана Брюховецкого старейшини, которые издавна считались эталоном мудрости: «Чтоб тебя побил неслыханный срам, что ты посрамил нашу старость! […] Чтоб тебя пекло да морило! Чтоб ты не знал покою ни днем, ни ночью!» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 325). Таким образом, тема Божьего суда становится центральной как в эпиграфе, так и в тексте главы.

Заключительное мотто произведения − отрывок из народной думы *Про Івана Коновченка*, где акцентируется на народной памяти:

Полягла козацька молодецька голова,
Як од вітру на степу трава;
Слава не вмре, не поляже –
Рыцарство козацьке всякому розкаже.
(*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 348).

Епиграф прославляет народных героев Сомко и полковника Шрама, которые ценой собственной жизни спасали страну. Их смерть была кратковременной и спонтанной. Доминирующий образ в цитированном отрывке − казацкая слава.

Народная слава была смыслом жизни для Кирило Тура, Сомко, полковника Шрама (которого уже во второй главе романа Божий Человек назвал настоящим казацким рыцарем). Важно отметить, что образ славы создает художественное обрамление в романе. Он объединяет первую главу с последней. В начальной главе упоминается о потере славы Украины: «Пропаде, мов порошина з дула, та козацькая слава» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 1), в финальной: «Слава не вмре, не поляже» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 348). Тут речь о ее увековечении, об отчаянных героях, которые до последнего борются за будущее страны.

В конце романа особенно остро звучат вопросы: были ли жертвы народных героев напрасными, поскольку процветает зло и произвол Брюховецкого, что ждет Украину далее? Ответы мы находим в мудрых словах Божьего Человека:

Иванца Бог грехом уже покарал. А праведному человеку какой награды желать в этом міре? […] Суета сует! Слава нужна міру, а не тому, кто славен. Мір пускай учится добру,

слушая, как жертвоваали жизнью за общее благо; а славному слава у Бога! (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 355–356).

Таким образом, размышления мудрого старца отображают авторскую визию и становятся ключом к разгадке основных вопросов романа и проблемы будущего украинского народа.

В своем произведении Кулиш также старался детализировано передать особенности национального колорита в историческом контексте эпохи. Следует отметить, национальный компонент очень важен в художественном мировосприятии этого писателя-романтика, что и стало неотъемлемой частью его русскоязычного романа. Тут Кулиш пытался обрисовать черты украинского национального характера, передать принципы народной этики и морали, воссоздать национальные традиции своего народа. В данном случае иллюстративным является эпиграф к пятой главе, который содержит воспоминание Кондратия Тарнаухи. Его Кулиш встретил в городе Смела в 1840-х годах. В отрывке из рассказа Таранухи *Запорожское щегольство* (Kuliš, 2015, s. 104) изображен феерический приезд казаков на ярмарку. Появление запорожцев вызывает удивление и воспринимается как незабываемый, яркий эпизод: «наряд на іх такий, що – Боже твоя воля! золото да срібло.. насподі у ёго жупан самий чистий кармазин, як огонь, що й очима не зоглянеш… шабля при боку вся буде в золоті, аж горить» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 81).

Эпиграф и текст главы отображают также старинный обычай прощания казаков с героическим прошлым (*Ukrainskie narodnye predaniâ*, 1847, s. 42–43). Ярко наряженные, казаки-прощальники отправлялись на праздничное гуляние в Киев. Как правило, их сопровождала толпа танцоров и певцов. Они веселились допоздна, а вечером варили кулиш и громко пели, прощаясь с миром казачества. По окончании оргии казак-прощальник отправлялся в Межигорский Спас, снимал с себя красивое убранство и превращался в монаха. А толпа, которая его сопровождала, танцевала прощальный танец в знак триумфального спасения души казака.

Как видим, Кулиш-фольклорист вспомнил про давний казацкий обряд и органично ввел его в канву своего произведения: «Это был один из тех обычаев юродиваго рыцарства козацкого, в которых, под наружными формами разгула и буйства, скрывалась аскетическая мысль презренія к временным благам жизни» (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 90). Такой обычай функционировал и во времена, описанные в *Чёрной раде. Хронике 1663 года*. Полковник Шрам и Черевань стали его очевидцами. Шрам, в свою очередь, не мог остаться равнодушным к действию, но его тревожили мысли о запорожцах, которые вмешались в дело всей его жизни:

Тех Запорожцев уже нет на свете, что подали Хмельницкому руку. Разве мало легло их на окопах под Збаражем, на гатях под Берестечком, да и везде, где только сшибалась наша сила с Польскою силою? Они первые шли в битву, как истинные воины Христовы, первые падали под картечью и пулями…Теперь они у Господа на небесах (*Povesti P. A. Kuliša*, 1860, s. 97 – 98).

Яркое легендарное казацкое гуляние, описанное в эпиграфе, резко контрастирует с событиями в романе, намекает на определенную театрализацию, утрату идеалов среди казачества. Следует отметить, что в эпизоде прощания казака с миром Кулиш отобразил свое двойственное отношение к казачеству. По этому поводу литературовед Ивашкив справедливо отмечает, что запорожцы в романе предстают в начале в негативном плане – как инициаторы и сторонники «черной рады» (примером тому − козак в обществе Тараса Сурмача), а уже впоследствии − как своеобразная и довольно интересная общественная группа, близко знакомая Кулишу из его фольклористических путешествий (Ìvaškiv, 2009, s. 200).

Итак, эпиграфы в *Чёрной раде. Хронике 1663 года* Кулиша являются важными структурными компонентами, каждый из которых отображает содержание соответсвующей главы. Функции мотто довольно разнообразные: установление взаимосвязи с текстом произведения, объединение формальных компонентов романа, выражение авторской точки зрения на построение образа эпохи Руины в украинской истории.

Специфика эпиграфов этого романа состоит также в том, что они содержат исторический (эпиграфы в романе Кулиша можно назвать своеобразными индикаторами исторического времени – трагического периода Руины, когда преобладали упадок, кровопролитные войны, потеря свободы) и этнографический (где эпиграфы служат иллюстрацией народных песен, дум, казацких летописей, рассказов очевидцев, отображают мысль и дух украинского народа, подчеркивают его способ жизни, причем важная роль отводится эмоциональному восприятию исторического времени) элементы национальной самобытности и тем самым выражают литературно-эстетические принципы украинского романтизма.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES/BIBLIOGRAFIA

Černaâ rada, Hronika 1663 goda. Sočinenie P. A. Kuliša. (1857). Moskva. [*Черная рада, Хроника 1663 года. Сочинение П. А. Кулиша. (1857).* Москва.]

Fedoruk, Oles'. (2019). *Roman Kuliša «Čorna rada»: Ì Istoriâ tekstu.* Kiïv: Kritika. [Федорук, Олесь. (2019). *Роман Куліша «Чорна рада»: Історія тексту.* Київ: Критика.]

Ìvaškiv, Vasil'. (2009). *Hudožnâ, literaturoznavča i fol'kloristična paradigma rann'oï tvorčosti Pantelejmona Kuliša*. L'viv: Vidavničij centr LNU imeni Ì Ivana Franka. [Івашків, Василь. (2009). *Художня, літературознавча і фольклористична парадигма ранньої творчости Пантелеймона Куліша.* Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка.]

Kopystâns'ka, Nonna. (2008). Čas / hudožnij čas: do pytannâ pro istoriû ponâttâ i termina. *Vìsnyk L'vivs'kogo universytetu: Seriâ filologiâ, 44(1)*, s. 219–229. [Копистянська, Нонна. (2008). Час / художній час: до питання про історію поняття і терміна. *Вісник Львівського університету: Серія філологія, 44(1)*, с. 219–229.]

Kržižanovskij, Sigizmund. (2006). *Stat'i. Zametki. Razmyšleniâ o literature i teatre. Sobranie sočinenij.* T. 4. Sankt-Peterburg: Simpozium. [Кржижановский, Сигизмунд. (2006). *Статьи. Заметки. Размышления о литературе и театре. Собрание сочинений*. Т. 4. Санкт-Петербург: Симпозиум.]

Kuliš, Pantelejmon (2015). *Povne zibrannâ tvoriv.* T. 3. Naukovi praci. Publicistika. Kn. 1. Kiïv: Kritika. [Куліш, Пантелеймон (2015). Повне зібрання творів. Т. 3. Наукові праці. Публіцистика. Кн. 1. Київ: Критика.]

Literaturoznavčij slovnik-dovidnik. (1997). Kiïv: Akademiâ. [*Літературознавчий словник-довідник*. (1997). Київ: Академія.]

Novye stihotvoreniâ Puškina i Šavčenki. (1859). Lejpcig. [*Новые стихотворенія Пушкина и Шавченки.* (1859). Лейпциг.]

Povesti P. A. Kuliša v četyreh tomah. (1860). Tom pervyj. «Černaâ rada»: Hronika 1663 goda. Sankt-Peterburg. [*Повести П. А. Кулиша в четырех томах.* (1860). Том первый. «Черная рада»: Хроника 1663 года. Санкт-Петербург.]

Ukrainskie narodnye predaniâ (1847). Kn. 1. Sobral P. Kuleš. Moskva: V Universitetskoj Tipografii. [*Украинские народные предания* (1847). Кн. 1. Собрал П. Кулеш. Москва: В Университетской Типографии.]

Ukrainskiâ narodnyâ pesni, izdannyâ Mihajlom Maksimovičem (1834). Čast' PERVAÂ. KNIGA I. Ukrainskiâ Dumy. KNIGA II. Pesni Kozackiâ bylevyâ. KNIGA III. Pesni Kozackiâ bytovyâ. Moskva: V Universitetskoj Tipografii. [*Украинскія народныя песни, изданныя Михайлом Максимовичем* (1834). Часть ПЕРВАЯ. КНИГА I. Украинскія Думы. КНИГА II. Песни Козацкія былевыя. КНИГА III. Песни Козацкія бытовыя. Москва: В Университетской Типографіи.]

Data zgłoszenia artykułu: 05.02.2022
Data zakwalifikowania do druku: 09.06.2022